

- в 1806–1807 гг. // Русская старина. 1899. Т. 99, № 7 (июль). С. 208.
- ²⁹ Назаров Д.А. Указ. соч. С. 70.
- ³⁰ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 339. По свидетельству французских авторов, Наполеон прибыл к Эйлау не в 14 часов, а несколько позднее.
- ³¹ См.: Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 209.
- ³² См.: Давыдов Д.В. Воспоминание о сражении... С. 87.
- ³³ Волконский С.Г. Указ. соч. С. 108; См. также: Ермолов А.П. Указ. соч. С. 83.
- ³⁴ Чандлер Д. Указ. соч. С. 334.
- ³⁵ Беннигсен ничего не сообщает о Багратионе с того момента, когда последний передал командование Барклаю (см.: Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 209). Думается, все же следует больше доверять Ермолову и Давыдову, чем Беннигсену: Багратион действительно возглавлял этот штурм Эйлау.
- ³⁶ А.П. Ермолов считал Сомова главным виновником последующих неудачных событий. Беннигсен также говорит о Сомове, но в положительном смысле (см.: Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 209).
- ³⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 340.
- ³⁸ Давыдов Д.В. Воспоминание о сражении... С. 88.
- ³⁹ См.: Ермолов А.П. Указ. соч. С. 84. Вальтер Скотт упоминает о бое в городе Эйлау (см.: Скотт В. Указ. соч. С. 486). Сведения о бое внутри Эйлау В. Скотт мог почерпнуть из переписки с Денисом Давыдовым. Но В. Скотт спутал барабанный бой как сигнал сбора после взятия города с тихой атакой отряда Сомова.
- ⁴⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 88.
- ⁴¹ Назаров Д.А. Указ. соч. С. 70.
- ⁴² Ермолов А.П. Указ. соч. С. 84.
- ⁴³ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 339–340.
- ⁴⁴ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 84. Аналогичные сведения приводит и Денис Давыдов (см.: Давыдов Д.В. Воспоминание о сражении... С. 88).
- ⁴⁵ Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 210. Беннигсен далее объясняет причины, побудившие его «очистить Эйлау».
- ⁴⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 340; Ермолов А.П. Указ. соч. С. 84.
- ⁴⁷ Давыдов Д.В. Воспоминание о сражении... С. 89.
- ⁴⁸ Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 210.
- ⁴⁹ Чандлер Д. Указ. соч. С. 334.
- ⁵⁰ Там же.

УДК [9:355.2](470.44-89) «1812»

РЕКРУТСКИЕ НАБОРЫ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812–1814 гг.

В.П. Тотфалушин

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

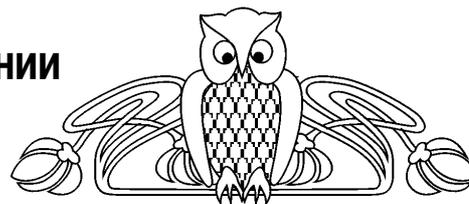
Статья впервые показывает почти непрерывный процесс рекрутских наборов в Саратовской губернии и воссоздает обстановку, в которой они протекали. Приведенный в ней материал позволяет сделать вывод о том, что в условиях крепостного права говорить о подъеме патриотизма и массовом добровольчестве среди местного населения, как это делалось ранее, не приходится.

Recruitment in Saratov Region in Patriotic War 1812–1814

V.P. Totfalushin

Article for the first time shows nearly unceasing process recruitment in Saratov region and will reconstruct the situation, in which they proceed. Provided in her material allows to draw a conclusion about that that in condition of the serfdom to speak of ascent of the patriotism and volunteer mass movement amongst local population, as this was done earlier, it is impossible.

В начале XIX в. пополнение русской армии по-прежнему осуществлялось через систему рекрутских наборов. По числу привлекаемых на пополнение армии людей они отличались крайней неравномерностью, ибо необходимое

число рекрутов определялось степенью укомплектованности войск. Активная внешняя политика России и почти непрерывные войны требовали восстановления людских потерь, в результате резко увеличивалась норма набора.

Набор рекрутов объявлялся указом Сената или манифестом императора, чаще всего в августе или сентябре очередного года. В соответствии с ними к гражданским губернаторам, в губернские правления и казенные палаты рассылались предписания кому и как производить набор. В них указывалось, откуда и какого состава нарядить воинские команды для сопровождения рекрутов в назначенные места. Набор производился, обыкновенно, с начала ноября. Если собранного числа рекрутов оказывалось недостаточно, следовал новый указ, в дополнении к предыдущему.

До 1808 г. собранные по губерниям рекруты направлялись непосредственно в полки, однако в октябре 1808 г. было утверждено «Положение о приеме рекрут, препровождении и содержании их в запасных рекрутских депо». Теперь рекруты поступали в запасные депо на девять месяцев и распределялись по полкам, уже зная главные правила военной службы. Запасные рекрутские депо учреждались по одному на каждую дивизию

и подразделялись (по степени боевой подготовки) на рекрутские депо 1-й и 2-й линий.

Правда, с марта 1812 г. рекрутов назначалось «принимать и содержать при губернских гарнизонных батальонах на том же основании, как содержатся и приготавливаются рекруты в рекрутских депо»¹.

В рассматриваемую эпоху наряду с другими регионами России регулярно отправляла в армию своих представителей и Саратовская губерния. В дореволюционной литературе первые отрывочные сведения об этом имеются уже в книге А. Леопольдова². Более подробная информация о саратовских рекрутских наборах содержится в сборнике материалов Н. Ф. Хованского³.

Частично затрагивает этот сюжет и коллективная брошюра, посвященная ополчениям Поволжья, вышедшая в годы Великой Отечественной войны⁴. Статистические данные, приведенные в последнем сочинении, перекопированы и в работы новейшего времени⁵.

Цель настоящей статьи показать почти непрерывный процесс рекрутских наборов в Саратовской губернии и воссоздать подлинную обстановку, в которой они протекали. В ней рассмотрен период с последнего предвоенного набора, который фактически завершился только к весне 1812 г., до последнего набора военного времени, продолжавшегося до завершения кампании 1814 г.

Манифест от 16 сентября 1811 г. объявил о начале с 1 ноября 81-го рекрутского набора (с 500 душ по 4 человека). Саратовский губернатор А. Д. Панчулидзе, узнав об этом, писал уездным предводителям дворянства: «Известно, что некоторые г. г. уездные предводители для произведения раскладки по первобывшим (т. е. бывшим до этого. – В.Т.) наборам собирались в Саратов весьма поздно и тем останавливали скорое окончание раскладок: по поводу сего я долгом поставляю отнестись <...> прося покорно <...> прибыть сюда для раскладки непременно к 15 октября»⁶.

По этому набору с Саратовской губернии следовало поставить 3022 человека. Их надлежало первоначально сводить в Саратовский батальон внутренней стражи, откуда «по прибытии учебной команды от 20-й дивизии»⁷ десятью (по другому источнику – 11-ю)⁸ партиями переправить в Азовское депо⁹ (замечу, что прежде саратовцев отправляли в Брянское депо).

Многочисленные трудности, с которыми властям пришлось столкнуться в ходе этого набора, подробно изложены Хованским¹⁰. В результате, в январе 1812 г. губернатор, обращаясь к городничим и земским судам, писал: «С окончанием срока приема рекрут оказалось их в остатке около 300 чел[овек]. Вы должны знать все те селения, кои обязанности своей еще не выполнили; и потому подтверждаю вам обратить ваше усердие и расторопность на все села, не отдавшие рекрут, чтобы сейчас сюда высланы были; всякая медленность

отнесется на ваш счет и никакое оправдание уважено не будет»¹¹.

А в феврале 1812 г. саратовским властям уже было предписано взыскать вместо забракованных рекрутов новых, годных, и выслать их в течение одной недели в рекрутское присутствие¹².

Манифест от 23 марта 1812 г. объявил о начале дополнительного 82-го рекрутского набора (с 500 душ по 2 рекрута). 25 тыс. рекрутов из районов восточнее Москвы предназначались на формирование 12 новых полков: 1–8-го пехотных и 1–4-го егерских. По два егерских полка предполагалось сформировать в Ярославле и Воронеже, по два пехотных – в Тамбове, Рязани, Костроме и Владимире.

Рекруты Саратовской губернии в количестве 1511 человек целевым назначением пошли на укомплектование 2-го (с 5 июля 1812 г. – 4-го) Воронежского егерского полка. Основная масса саратовских рекрутов состояла из помещичьих крестьян. На долю удельных крестьян, например, пришелся только 91 человек¹³.

Манифест от 4 августа 1812 г., полученный в Саратове 23 августа, объявил о начале 83-го рекрутского набора (со 100 душ по 2 рекрута)¹⁴. Местный летописец, протоиерей саратовского Троицкого собора Н. Г. Скопин, 26 августа записал: «Получено повеление собрать с 500 по десяти рекрут. Видно, враг наш успевает»¹⁵. С 447 900 обязанных рекрутской повинностью душ Саратовской губернии следовало взять 8 958 человек, в том числе 461 – от удельных крестьян.

По предписанию военного министра от 17 сентября 1812 г., 5 000 саратовцев предполагалось отправить во Владимир с конвоем от резервных полков генерал-лейтенанта А. А. Клейнмихеля и генерала от инфантерии Д. И. Лобанова-Ростовского, а 3 958 – в Симбирск с конвоем от саратовского батальона «с помощью обывателей, наряжаемых земским начальством по распоряжению гражданского губернатора»¹⁶.

Однако распоряжением императора от 25 сентября «рекруты настоящего набора» от Саратовской губернии были целиком «обращены в Арзамас...» «в распоряжение генерала от инфантерии князя Лобанова-Ростовского, имеющего формировать от 19 до 23 полков, которые будут располагаться между реками Цной, Окой, Волгой и Сурой около Арзамаса...»¹⁷.

Но вскоре успехи русской армии дали новое направление саратовским рекрутам: предписанием от 28 ноября 1812 г. они были отправлены уже не в Арзамас, а в Орел¹⁸.

В ходе этого набора возникло сомнение в понимании манифеста: «...должны ли мещане участвовать в таковом или же правительство на лиц, принадлежащих к городским обществам, имеет особенные виды...». 20 сентября 1812 г. Панчулидзе уведомил Саратовскую городскую думу о том, что сделал представление по этому вопросу главнокомандующему в Петербурге. Пока

же, до получения ответа, он приказал городским думах и городничим готовить рекрутов и все для них необходимое, чтобы с получением ответа не было ни малейшего промедления в высылке рекрутов.

Однако саратовское мещанское общество приняло иное решение: поскольку ответа еще нет и неизвестно, каким он будет, то «... к заготовлению рекрут и амуниции приступить преждевременно...» и только после получения «... о сборе с мещан рекрут особого повеления... должное мещанами исполнение учинено быть имеет»¹⁹.

В результате, получив разъяснение из военного ведомства, губернатор 11 октября отправил с нарочными приказание о наборе во все уездные города, требуя, чтобы рекруты были высланы в Саратов в течение двух дней с момента получения предписания.

Манифест от 30 ноября 1812 г., полученный в Саратове 7 декабря, объявил о начале 84-го рекрутского набора с 500 душ по 8 человек с освобождением дворянских имений от поставки ополчения. По нему Саратовская губерния должна была поставить 7 137 человек в четыре приема: по правилам давалось две недели на рекрутские раскладки и распоряжения, затем месяц на набор 1/4 части рекрут, после выступления первой четверти начинался прием следующей и т. д.²⁰

Однако, несмотря на эти ухищрения, набор шел трудно, «так как помещики... – по словам К. Хр. Л. Шенка, отбывавшего плен в Саратове, – были очень недовольны, несмотря на то, что всегда говорили о своем патриотизме и своей ненависти к французам»²¹.

Причины этого недовольства уточняет в своем дневнике (в январской записи 1813 г.) Скопин: «... все крестьяне наборами рекрутскими разстроены, и самая их зимняя промышленность, состоящая в извозничестве, остановилась; от сего провоз рыбы из Саратова и соли крайне затруднился. Словом сказать: все состояния более или менее от сего претерпели»²².

По предписанию Военного министерства от 6 декабря 1813 г., 250 рекрутов Саратовской губернии отправлялись на флот, 2500 человек – в Георгиевск в распоряжение генерал-лейтенанта Н. Ф. Ртищева, прочие предназначались в резервную армию к Брест-Литовску²³.

По сведениям Скопина от 3 мая 1813 г., рекрутов третьей части «нынешнего набора» по Саратовской губернии было «велено выслать» на Кавказскую линию «и последнюю, четвертую, часть собрать уже велено»²⁴. Однако к 25 мая 1813 г. по губернии все еще оставалось «в недоимке» 1 599 человек из последней «четверти»²⁵.

Впрочем, не все благополучно было и с прежними наборами. 1 июня 1813 г. к главнокомандующему в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинову был направлен запрос статс-секретаря П. С. Молчанова: «... доставить записку, которая содержала

бы в себе сведения <...> сколько именно с каких губерний с начала 1812 года по ныне взято рекрут...». В подготовленной в ответ «Ведомости о недоимочных рекрутах прежних наборов, кроме 84-го» от 16 июня 1813 г. по Саратовской губернии на 25 мая все еще значилось 49 человек²⁶.

Манифест от 21 августа 1813 г. объявил о начале с 15 сентября 85-го набора (с 500 душ по 8 человек) рекрутов не моложе 19 и не старше 40 лет. Исходя из общего количества податных душ (449 308 человек), с Саратовской губернии было назначено собрать 7 189 рекрутов, в том числе с помещичьих крестьян – 3 997, с казенных – 2 520, с удельных – 374, с мещан и цеховых ремесленников – 298 человек²⁷.

Этот же манифест разрешил «ставить в замену рекрут строевых лошадей...». По «Росписанию», разосланному 15 сентября 1813 г., Саратовская губерния (вместе с Астраханской, Воронежской и Кавказской) была отнесена к округе с центром в Воронеже, и на ее территории было предположено собрать 1 298 лошадей (300 кирасирских, 500 драгунских и конно-егерских, 498 гусарских и уланских) за 258 человек²⁸.

Тем временем, затребовав от Саратовского благородного собрания дворянских чиновников «для провода рекрут и лошадей» и отправив эстафеты о рекрутском наборе во все города Саратовской губернии, саратовский губернатор 12 октября обратил внимание главнокомандующего в Петербурге на то обстоятельство, что манифест был получен в Саратове «...с почтою 25 числа (сентября. – В.Т.) позже 10 днями...» от времени начала приема рекрутов²⁹.

К тому же, продолжал он, «...на самое обещание онаго (манифеста. – В.Т.) по Саратовской губернии <...> по обширности оной потребно по крайней мере 10-ть же дней...». Исходя из этого, саратовский губернатор просил «...считать начало приема со дня окончания [о]повещения, то есть с 5 октября, и продолжить оный до 5 декабря...», общая приложить «...всемерное мое попечение, чтобы рекруты все поступили в отдачу к сроку...»³⁰.

27 сентября Скопин так прокомментировал известие об указе: «Тяжкой набор! Но видно есть и была нужда в людях, хотя бы пожертвовать да успокоиться на долгое время»³¹.

Весть о замене рекрутов лошадьми «обратило многих к отысканию лошадей, с надеждою отвести сию повинность поставкою оных, так как количество их определяемо не было», а 14 октября, когда «начали уже сводить сюда (в Саратов. – В.Т.) лошадей», пришло предписание с правилами и примерным расписанием.

Как только о нем стало известно, «то все почти в одно время предъявили к отдаче искупленных ими лошадей – в три только приема поступило от отдатчиков лошадей почти на две трети назначения»³². В результате, как резюмировал 28 октября 1813 г. Скопин, было «... много городу утеснения

и в разсуждении пленных и рекрутов, и принимаемых лошадей»³³.

Предвидя такое развитие событий, саратовский губернатор еще 15 октября запросил Петербург: «Но ежели сверх сего числа будут еще представляемы лошади взамен рекрут, то должно ли принимать их или нет...». А позднее писал: «Еще остается сведенных сюда и ежедневно представляемых к отдаче большое количество лошадей всякого рода <...> сюда же ведутся лошади из дальних уездов, я <...> полагаю, что здесь сверх примерного назначения <...> поступит еще в отдачу не менее 500 лошадей». В результате, пока ждали ответа, к 24 ноября 1813 г. в губернии было «принято всех вообще лошадей 1 548»³⁴. Атмосферу, царившую в городе в эти дни, хорошо передает декабрьская (с 7-го по 10-е) дневниковая запись Н. Г. Скопина: «О лошадях, принимаемых вместо рекрут, великая была сумятица: рвались наперерыв друг перед другом их ставить и брались по-мужичьи самые дворяне»³⁵.

Между тем 7 ноября 1813 г. Взмитинов довел до сведения Панчулидзева решение Комитета министров, который «...положил: в случае позднего получения <...> манифеста, двухмесячный срок для набора считать со времени распубликования манифеста в губернии...»³⁶. Однако и этот набор шел с трудом: к 3 ноября в губернии было принято только 1 596 человек. Объясняя причины сего, губернатор вновь ссылаясь на задержку в получении манифеста, на чрезвычайную распутицу и на поиски лошадей, которых отдачки кинулись искать на замену рекрутов³⁷.

Сбор лошадей в ходе 85-го рекрутского набора продолжался до начала 1814 г. и всего по Саратовской губернии было принято 4 603 лошади (712 кирасирских, 1 635 драгунских и 2 256 уланских) за 881 рекрута³⁸, в том числе за 49 человек от удельных крестьян, которые остальных 325 рекрутов выставили полностью «в натуре»³⁹.

Однако в целом до 5 января 1814 г. из Саратовской губернии было отправлено 6 272 человека вместо 7 189, таким образом, в недоимке оставалось 917, а по прежним сборам – еще 75 человек⁴⁰.

Всего же, по итоговому отчету А. Д. Панчулидзева, «в наборы 1812-го и 1813-го годов поступило рекрут с Саратовской губернии до 25 т. человек»⁴¹ (17 606 – в 1812 г.⁴², 7 189 – в 1813 г., итого – 24 795).

Снаряжение рекрутов тяжким бременем ложилось на местное население. В том же отчете читаем: «Аммуниция рекрут по Саратовской губернии строится из отдачковых сукон и холстов, к привозу которого они вызываются губернатором всегда при начале каждого набора. При отдаче сукна они платят за пошивку с прикладом⁴³ всей аммуниции установленную плату, которая была в последние наборы по 6 рублей. Вместе с тем всякому предоставляется шить оную самому, для

чего разосланы к предводителям, городничим и исправникам образцы.

Представляющим своего изделия сукна и холст аммуниция стоит дешево, но и тем, кои по неимению своего сукна и холста покупали оных по базарам при многотой от больших наборов потребности, а следственно и дороговизне аммуниция каждого рекрута с покупкою двух пар сапог и всех прочих положенных вещей обходилась от 50 до 60 рублей»⁴⁴.

В ходе проведения рекрутских наборов в Саратовской губернии проявлялась сверхцентрализация в решении даже самых мелких вопросов. Столичные власти брали на учет каждого отдельного рекрута, контролировали провинциальную юриспруденцию, вникали в работу местных медицинских комиссий.

Например, 23 октября 1811 г. управляющий Военным министерством А. И. Горчаков интересовался у саратовского губернатора судьбой четырех человек, «из принятых по минувшему 80-му»⁴⁵ набору в Саратовской губернии, один из которых был оставлен в Саратове «под следствием в подложном имени», а трое других – «на испытании врачебной управы в годности к службе» и требовал сообщить, «куда отправлены все оные четыре человека или поступившие на перемену их другие...»⁴⁶.

Несмотря на это, рекрутские наборы в Саратовской губернии не только шли со скрипом, но и сопровождалась типичными для всей России рецидивами. Наблюдательный Шенк писал: «Русский крестьянин, хорошо знающий, что, если он однажды стал солдатом, уже может не думать о возвращении в свое село, обычно близок к отчаянию и намного печальнее, чем наш немецкий сельский люд, которому выпадает жребий при рекрутском наборе <...> То, что русские крестьяне неохотно идут в солдаты, можно судить уже на основании того, что очень многие калечат себя, чтобы остаться свободными от воинского звания <...> Способы, которыми крестьяне калечат себя, очень разнообразные: они выбивают себе передние зубы, отрубают себе несколько пальцев, повреждают свои глаза и т. д.»⁴⁷.

Подтверждения этому в изобилии встречаются в официальных документах. Например, из села Чертанла сообщали, что удельный крестьянин Поликарп Шарухин в 1813 г., уклоняясь от рекрутской очереди, «... повредил умышленно член себе – правый глаз...»⁴⁸.

Многие из тех, кому грозила солдатчина, скрывались или бежали как из рекрутских присутствий, так и во время переходов, невзирая на угрозу жестокого наказания в случае поимки⁴⁹. Факты подобного рода также отмечены в мемуарах «саратовских» военнопленных⁵⁰.

Желающие избежать рекрутчины могли воспользоваться разрешением правительства сделать замену рекрута купленным человеком. Однако вопреки указу от 7 сентября 1804 г., помещики

делали мнимые покупки крепостных с некоторым количеством земли и отдавали их за другие свои имения. Поэтому в мае 1810 г. было сделано дополнительное распоряжение, чтобы при отдаче помещиками рекрутов не принимать купленных ими людей ранее трех лет после покупки и требовать доказательств времени покупки этих людей⁵¹.

Можно было обойтись и вербованным человеком. Например, за саратовцев братьев Колесниковых в 1813 г. «по взаимному соглашению за условленную плату поступил... в воинскую службу саратовский мещанин Иван Петров Чернышев...»⁵². Однако и здесь не обходилось без злоупотреблений. Так, в феврале 1813 г. вахмистр Конторы опекунов иностранных задержал жителей колонии Россоши Саратовской губернии Адама и Томаса Клейнов, «которые, нанимаясь у разных людей в рекруты, оных обманывают и, по городу шатаясь, пьянствуют». Решением Конторы обманщики «для воздержания от пьянства» были заключены на две недели в работный дом⁵³.

Наконец, манифест от 5 ноября 1811 г. разрешил «всем состояниям, рекрутскую повинность несущим, вносить вместо поставки рекрута натурою по 2 000 рублей». В результате, к 15 декабря по всем губерниям поступило прошений о замене деньгами 10 тыс. рекрутов, причем прошения такого рода продолжали поступать и после установленного срока. В итоге губернаторам было предписано продолжать прием прошений и денег до 1 марта 1812 г., причем разрешалось откупать даже тех рекрутов, которые были уже отправлены в депо⁵⁴.

Многие помещики, будучи не в состоянии уклониться от исполнения рекрутской повинности, стремились сплавить в армию из своих имений весь балласт. Шенк вспоминал об этом так: «Он (помещик. – В.Т.) выбирает его (рекрута. – В.Т.) только по своему усмотрению, согласно своим интересам, и потому отправляет (в армию. – В.Т.), как правило, только самых негодных субъектов...»⁵⁵.

Не отставали от дворян и другие категории населения. Например, из села Чертанла пошел в рекруты удельный крестьянин Белдикин «по несродственности <...> к крестьянской работе и промыслам...»⁵⁶. Из немецких колоний, вообще освобожденных от рекрутской повинности, в 1809 г. были отправлены в солдаты «...Ижорской колонии колонист Фридрих Леверенц», который «развратным поведением разстроил свое хозяйство...», и колонист колонии Екатериненштадт Давид Гендель «... по безпутной жизни...»⁵⁷.

Рекрутские наборы сопровождались и массовыми нарушениями закона со стороны властей. Так, в ноябре 1813 г. Департамент полиции исполнительной обратил внимание на расхождение в количестве душ: в ведомстве Министерства финансов было учтено по Саратовской губернии 474 974 души, «у губернатора показано 449 308», «следовательно, меньше» на 25 666⁵⁸.

А 11 декабря 1813 г. Салтыков доложил им-

ператору Александру: «Гайный советник князь Голицын доставил ко мне полученный им от неизвестного донос о разных в Саратовской губернии злоупотреблениях по рекрутской части. Хотя безыменные доносы по закону и не приеются, но как в сем описываются величайшие злоупотребления с подробностью и с показанием лиц в них участвующих, то я препроводил его к Главнокомандующему в Санкт-Петербурге <...> с тем, чтобы он послал в Саратов благонадежного чиновника для разведания под рукою, дабы потом, буде извет окажется основательным, можно уже было отправлять доверенную особу для произведения законного изследования...»⁵⁹.

Какие именно злоупотребления могли твориться в Саратове позволяют установить опять-таки мемуары Шенка: «Для <...> комиссии по обследованию (рекрут. – В.Т.), особенно для представленных к ней врачей и хирургов, этот рекрутский набор является настоящим золотым дном, потому что дворянам и казенным крестьянам приходится им платить. К сожалению, я заметил, что нет на земле другой такой страны, где взяточничество является настолько обычным явлением как в России, где даже не боятся открыто говорить об этом»⁶⁰.

Таким образом, Саратовская губерния в эпоху войны 1812–1814 гг. регулярно поставляла своих представителей в ряды армии. Для их набора традиционно использовался административно-полицейский аппарат и сословные органы самоуправления. Вся тяжесть наборов ложилась на плечи податных сословий, для которых рекрутчина продолжала оставаться самой тяжелой повинностью. Благородное сословие и местное начальство, выполняя правительственные распоряжения, стремились максимально соблюсти собственные интересы.

В условиях крепостного права, когда вершителем судеб крестьян был их помещик, и тотальной централизации в решении всех вопросов, а также отсутствия внешнего возбудителя в лице неприятеля, в силу удаленности Саратовской губернии от театра военных действий, говорить о подъеме патриотизма и массовом добровольчестве среди местного населения, как это делалось ранее⁶¹, не приходится.

Примечания

- 1 См. подробнее: *Богданов Л. П.* Русская армия в 1812 году: организация, управление, вооружение. М., 1979. С. 56–70.
- 2 См.: *Леопольдов А.* Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 142.
- 3 См.: *Хованский Н. Ф.* Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1912.
- 4 См.: *Софинов П., Эпштейн Д., Жибарев П.* Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 года. 2-е изд. Саратов, 1942. С. 19.

- 5 См., напр.: История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 г. / Под общ. ред. В. П. Тотфалушина. 2-е изд., испр., доп. Саратов, 2000. С. 106.
- 6 Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 22.
- 7 20-я пехотная дивизия была сформирована 5 февраля 1808 г. (начальник – генерал-майор П. М. Коллюбакин) (см.: Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 230).
- 8 Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 23.
- 9 См.: РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1811 г. д. 365, л. 20 об., 21, 23; Софинов П., Эпштейн Д., Жибарев П. Указ. соч. С. 19.
- 10 См.: Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 23–24.
- 11 Там же. С. 24.
- 12 Там же.
- 13 См. подробнее: Тотфалушин В. П. Из истории формирования 2-го Воронежского егерского полка // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы VIII Всерос. науч. конф., Москва, 21–22 апреля 2005 г. М., 2005.
- 14 См.: Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 64.
- 15 Скопин Н. Г. Записки дневные о делах и вещах достопамятных // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова. Саратов, 1891. Т. 1. С. 452.
- 16 См.: РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1813 г. д. 170, л. 269 об., 270, 270 об., 271, 272 об.; ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 326; ф. 606, оп. 1, д. 115, л. 535; Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 64–65.
- 17 См.: РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1813 г. д. 170, л. 338–338 об.; ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 286; д. 17, л. 326.
- 18 См.: ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 286.
- 19 См.: Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 66–67.
- 20 См.: РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1813 г. д. 77, л. 16 об. 17; Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 67–68.
- 21 Шенк К. Хр. Л. Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, о также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах / Пер. с нем. Е. В. Ермасова, коммент. В. П. Тотфалушина // Докл. Акад. военных наук. Саратов, 2004. № 12. С. 92.
- 22 Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 458.
- 23 См.: ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 18, л. 322.
- 24 Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 465.
- 25 РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1813 г. д. 77, л. 32 об.
- 26 Там же. Л. 1, 37.
- 27 Там же. Д. 78, л. 393; Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 77.
- 28 См.: Тотфалушин В. П. «Мы более имеем нужду в лошадях, нежели в людях...»: О сборе волов и лошадей для армии в Саратовской губернии (1812–1813 гг.) // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы Всерос. науч. конф. Малоярославец, 2005. Вып. 13. С. 202.
- 29 См.: Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 472; Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 77–78; Тотфалушин В. П. «Мы более имеем нужду в лошадях...» С. 202.
- 30 РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1813 г. д. 78, л. 392–392 об.
- 31 Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 472.
- 32 Тотфалушин В. П. «Мы более имеем нужду в лошадях...» С. 202–203.
- 33 Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 473.
- 34 Тотфалушин В. П. «Мы более имеем нужду в лошадях...» С. 203.
- 35 Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 474.
- 36 РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1813 г. д. 78, л. 395.
- 37 Там же. Д. 122, л. 100–100 об.
- 38 Тотфалушин В. П. «Мы более имеем нужду в лошадях...» С. 204.
- 39 ГАСО. Ф. 606, оп. 1, д. 115, л. 499, 536.
- 40 ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 97.
- 41 ГАСО. Ф. 407, оп. 1, д. 1661, л. 4 об.
- 42 В краеведческой литературе с подачи авторов коллективной брошюры «гуляет» ошибочное утверждение, что в 1812 г. по Саратовской губернии было собрано свыше 9000 рекрутов (см.: Софинов П., Эпштейн Д., Жибарев П. Указ. соч. С. 19).
- 43 Приклад – в российской армии – цветное сукно, использовавшееся для отделки мундира.
- 44 ГАСО. Ф. 407, оп. 1, д. 1661, л. 4 об.
- 45 В публикации – «86-му» – явная опечатка.
- 46 Епанчин Ю. Л. Документы о рекрутских наборах в Саратове в эпоху Отечественной войны 1812 года // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации. Саратов, 2002. С. 189.
- 47 Шенк К. Хр. Л. Указ. соч. С. 92.
- 48 ГАСО, Ф. 606, оп. 1, д. 115, л. 548.
- 49 Там же. Д. 121, л. 82; Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 23, 24.
- 50 См., напр.: Военнопленный в сердце России. 1812–1814 гг.: Воспоминания гусарского лейтенанта Вестфальской королевской армии Эдуарда Рюппеля, обработанные и изданные Фридрихом Клеменсом Эбрардом / Пер. с нем. А. Н. Галямичева, коммент. В. П. Тотфалушина // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. V: Сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года // Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 161. С. 294.
- 51 Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 22.
- 52 ГАСО. Ф. 94, оп. 1, д. 257, л. 107.
- 53 См.: Тотфалушин В. П. Поволжские колонисты и Отечественная война 1812 г. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф. М., 1996. С. 142–143.
- 54 Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 24.
- 55 Шенк К. Хр. Л. Указ. соч. С. 92.
- 56 ГАСО. Ф. 606, оп. 1, д. 106, л. 475.
- 57 См.: ГАСО. Ф. 180, оп. 1, д. 24, л. 747, 747 об., 849, 849 об.
- 58 РГИА. Ф. 1286, оп. 2, 1813 г. д. 78, л. 394.
- 59 РГИА. Ф. 1409, оп. 1, д. 814, л. 127–127 об.
- 60 Шенк К. Хр. Л. Указ. соч. С. 92.
- 61 См., напр.: Софинов П., Эпштейн Д., Жибарев П. Указ. соч. С. 19–20.